

ХАННА ЛИНН

КОНДИТЕРСКАЯ НА ХАЙ-СТРИТ

ЖИЗНЬ С ЧИСТОГО ЛИСТА

Я ХОЧУ ЗДЕСЬ ОСТАТЬСЯ...
НАВСЕГДА!

Ханна Линн
Кондитерская на Хай-стрит.
Жизнь с чистого листа
Серия «Горячий шоколад.
Зарубежная коллекция»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73386813

*Ханна Линн «Кондитерская на Хай-стрит. Жизнь с чистого листа»:
ООО Издательство Азбука; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-32309-4*

Аннотация

Тяжело пережить предательство, особенно когда тебя предал самый близкий человек – тот, кого любила и с кем собиралась строить семью.

Но Холли старается не отчаиваться. Собрав вещички, она уезжает из суетного Лондона в родной городок Боуртон-он-Уотер, намереваясь залечить душевные раны. И там, овеянная радостью воспоминаний юных лет, принимает спонтанное решение купить кондитерскую, в которой подрабатывала подростком.

Однако вести бизнес, даже такой очаровательный, – вовсе не так сладко, как может показаться. На каждом шагу Холли поджидают проблемы: то входная дверь сломается, то крыша протечет, то придет с проверкой инспекция... Не совершила ли

Холли самую большую ошибку в своей жизни? Ведь ей так нужно начать все с чистого листа!

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	24
Глава третья	37
Глава четвертая	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ханна Линн
Кондитерская на
Хай-стрит. Жизнь
с чистого листа

Hannah Lynn

THE SWEET SHOP OF SECOND CHANCES

Иллюстрация на обложке Елены Капич.

Published by special arrangement with Paper Cat Publishing Ltd in conjunction with their duly appointed agent 2 Seas Literary Agency and The Van Lear Agency LLC.

© Hannah Lynn, 2021

© Тогоева, И., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство Азбука, 2026

Посвящается Нине

Глава первая

Если учесть, в какой страшной спешке Холли Берри покинула Лондон, вряд ли она понимала, какие вещи пакует в чемодан. Да и глагол «паковать» не слишком точно отражал ее действия. Она швырнула несколько туфель в своего – теперь уже точно – бывшего бойфренда, сдернула чемодан с платяного шкафа и запихнула в него скомканную кучу вещей. Тем временем Дэн, упомянутый бывший, предпринял было попытку извлечь из этой груды кое-какие собственные вещички, однако добиться успеха ему мешала неуверенность – он никак не мог понять, что нужно делать в первую очередь: то ли успокаивать Холли, только что застукавшую его с голым задом и в весьма недвусмысленной позе на той самой новой кровати, которую они вместе покупали в «Икее» и за которую она честно заплатила ровно половину, то ли утешать рыдающую женщину, по-прежнему лежавшую нагишом на этой кровати и тщетно пытавшуюся хоть чем-то прикрыться.

– Холс, Холс, погоди. Пожалуйста, погоди, послушай...

– Я уже достаточно наслушалась, больше не хочу, спасибо.

И забыть эти звуки мне, поверь, будет нелегко.

Трясущимися руками Холли сорвала с вешалки очередное платье. Шесть лет! Шесть лет ее жизнь была неразрывно связана с этим человеком! Шесть лет любые свои планы она строила с учетом *их общих* планов! Господи, какой же она

была дурой!

– Пожалуйста, дай мне объяснить... – Но стоило Дэну коснуться ее плеча, как она, резко оттолкнув его руку, развернулась к нему.

– Не смей! Не смей ко мне прикасаться! – прокричала она. – Не смей со мной разговаривать! Даже смотреть на меня не смей!

– Холс, ты просто не понимаешь...

– Да, конечно, не понимаю. Вот тут ты абсолютно прав. Я не понимаю, как ты, черт тебя побери, мог так со мной поступить!

– Но я же просто... Мы просто...

– Ведь мы с тобой строили такие грандиозные планы, Дэн. И все у нас было рассчитано. В прошлый уик-энд вместе дома смотрели. Всего лишь *в прошлый уик-энд!*

– Но я же просто... просто...

– Просто оступился? – почти ласково спросила Холли и невольно посмотрела на голую женщину, успевшую, впрочем, прикрыться простыней. А ведь эти простыни совершенно точно покупала она, Холли. И хорошо помнила, как ее на распродаже порадовала 75-процентная скидка. Она вновь переключила внимание с простыни на любовницу Дэна. Темные волосы, темные глаза. Он всегда предпочитал определенный тип женщин. И в полном соответствии с самым затрепаным сюжетом бульварных романов заменил старый объект обожания на новый, помоложе.

– Пожалуйста, – проскулил он, теперь уже пытаюсь давить на жалость и умоляюще глядя на нее – вот-вот заплачет.

Это просто невыносимо! Холли, не отвечая, застегнула на чемодане «молнию», решительным шагом вышла из комнаты, сбежала по лестнице и громко хлопнула входной дверью.

Она гнала машину, сама не зная куда – лишь бы подальше от Дэна и Лондона, – и все пыталась понять, как он мог так с ней поступить после всего, что они вместе пережили? Она же всегда и во всем его поддерживала, была рядом в любых передрыгах. Так почему же? Почему? И как она могла не заметить в нем перемен?

В университете они учились на одном курсе, но целых три года даже внимания друг на друга не обращали – вплоть до получения диплома. В тот вечер, когда позади остались и торжественная церемония, и праздничный обед, Холли со своими старыми приятельницами – вместе с ними она снимала квартиру – решила повеселиться в клубе.

Во время короткой передышки между танцами она пошла в бар, выпить и принести выпивку подругам, и вот тут-то впервые заметила Дэна. Собственно, ее внимание привлекли, во-первых, его темно-карие глаза, а во-вторых, то, как безуспешно он окликал бармена. Понаблюдав за тем, как нарочито бармен «не слышит» его призывов – видимо, Дэн показался ему чересчур вежливым, – Холли воздвиглась на барный табурет, и бармен, разумеется, тут же к ней повернулся. Она заказала выпивку им обоим, и Дэн с благодарно-

стью за все заплатил. Впоследствии она догадалась, что он играл роль беспомощного человека, нуждающегося в спасении, специально, в надежде привлечь ее внимание. Тогда эта уловка показалась ей очень милой. Потом, обедая с друзьями, они с Дэном не раз смеялись, вспоминая тот вечер. И лишь теперь Холли поняла: на самом деле Дэн всегда умело ею манипулировал.

Солнце давно уже село, когда она, свернув с шоссе М4, наконец по-настоящему задумалась, куда же все-таки держит путь. И поняла, что машинально свернула на шоссе, ведущее к родительскому дому. Едва ли ей так уж хотелось предстать перед родителями. Нет, они, конечно, поддержали бы ее и стали бы всячески утешать, но в глубине души ей давно было ясно: от Дэна они отнюдь не в восторге. Ей вдруг вспомнилось, как мать однажды сказала:

– Мне он кажется каким-то чересчур бежевым.

– Бежевым? – удивилась Холли.

– Ну, пресным таким, простеньким, без затей. Не вызывающим особого интереса.

– А что в этом плохого? Просто он человек здравомыслящий.

– Ничего плохого, конечно. Но бывает ли вам весело вместе?

– Конечно бывает!

Холли показалось, что ее ответ не убедил мать.

– А что вы решили насчет того дома, о котором ты еще

месяц назад мне рассказывала? Вы вроде бы собирались его купить?

– Собирались, но потом решили еще немного подождать, подкопить денег. Чтобы сразу внести депозит побольше.

– Ты ведь и так копила весь прошлый год, верно? И позапрошлый тоже? Хотя работа у тебя постоянная и заработок неплохой. И тебе, по-моему, совершенно не обязательно постоянно тревожиться о деньгах.

Холли от раздражения скрипнула зубами.

– Да, это верно, только дома сейчас очень дорогие, и чем больший депозит мы внесем, тем меньше нам потом придется выплачивать.

– Но, Холли, дорогая, нужно иметь какие-то радости в жизни. Нельзя же думать только о том, как побольше заработать и побольше накопить. – И далее мать продолжала в том духе, как будто ее, Холли, желание обрести финансовую стабильность и полностью себя обезопасить – это самая безответственная вещь на свете. Интересно, как мама отреагирует на *теперешние* новости? Наверняка страшно огорчится, понимая, каким ударом для Холли стало предательство Дэна. Но что она при этом *подумает*, непонятно.

Вот и поворот к дому родителей, однако Холли сворачивать не стала, а поехала дальше. Лучше она с ними потом поговорит. В крайнем случае, поскольку ключ от их дома у нее по-прежнему есть, можно будет потихоньку пробраться в свою комнатку, когда они уже улягутся спать. Или про-

сто еще немного проехать и снять где-нибудь номер на одну ночь. Вряд ли теперь стоит так уж экономить, приберегая каждый грош, чтобы внести депозит за дом, который они собирались купить с Дэном.

Некоторое время Холли ехала по какой-то длинной прямой дороге. На навигаторе она была обозначена как A429, однако местные жители называли ее исключительно Фосс-Уэй¹. Эта старая римская дорога тянулась далеко на север до самого Лестера, хотя Холли никогда еще не доводилось проезжать по ней так далеко. Позади остался Нортлич, затем маленькая котсуолдская² деревушка Колд-Астон, и наконец у подножия невысокого холма, мигнув поворотником, Холли свернула налево, проехала немного по берегу реки и оказалась в центре городка Боуртон-он-Уотер.

* * *

Даже самый циничный посетитель Боуртона вряд ли стал бы спорить с теми, кто считает этот городок одним из самых идиллических мест в Британии, с его мелководной рекой, бегущей под бесчисленными причудливыми мостами

¹ *Фосс-Уэй* – одна из старинных дорог, построенных еще римлянами; соединяет города Линкольн и Эксетер. Название связано с тем, что по обе стороны дороги прорыты канавы (Foss – канава).

² По названию Котсуолдских холмов (Cotsworld Hills), графство Глостершир. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

и ласково журчащей рядом с центральной улицей. В любое время года Боуртон производил впечатление настоящего рая для любителей постить в соцсетях. Осенью там хорошо надеть шерстяное пальто или куртку, способную защитить от пронизывающего ветра, и наслаждаться прогулкой, любуясь кружением янтарных и золотых листьев, что, словно дождь, осыпаются с деревьев. А во время зимних праздников витрины магазинов украшены тысячами мерцающих белых огоньков и ровно посередине замерзшей реки возвышается пятнадцатифутовая рождественская елка. Картинка вкусная, как ломтик дивного праздничного пирога.

Однако для постоянных жителей, особенно для подростков вроде Холли, какой она была когда-то, привлекательность Боуртона была чем-то вроде обоюдоострого меча. Как только погода становилась хотя бы относительно приятной, автомобильное движение в городе практически останавливалось из-за пробок; машинами был забит весь путь от шоссе до местной Хай-стрит, находившейся от него примерно в полумиле. И если кому-то из водителей все же удавалось проникнуть в город, он старался сразу же припарковаться на первом попавшемся клочке земли вне зависимости от того, предназначено ли это место для парковки и кого он своей машиной напрочь «запрет». К тому же было практически невозможно отыскать свободное местечко хотя бы в одном из многочисленных кафе – хотя цены там были чрезвычайно завышены, – потому что городок буквально кишел вопящи-

ми детишками, разгневанными родителями и усталыми пешими туристами, не говоря уж о том, что в Боуртоне обязательно делал остановку каждый туристический автобус, из которого вываливалась толпа людей, жаждущих одного: сфотографироваться, стоя по колено в реке и поедая мороженое, а затем, после короткой передышки, эти туристы вновь загружались в автобус и двигались к следующему пункту назначения.

Впрочем, родиться и провести юность в этих местах было совсем не плохо. Холли с удовольствием вспоминала и свои поездки на старом ржавом велосипеде вверх и вниз по холмам, таким крутым, что ноги были готовы сдать уже на первой трети пути, и свои бесконечные пешие странствия по окрестным полям, и походы к заветным потайным ручьям, где она в компании друзей целыми днями ловила тритонов, вооружившись банкой из-под варенья и рыболовным сачком, и беготню взад-вперед по берегу реки в поисках особенно красивых цветов и трав, которые ей хотелось принести домой и поставить в самодельные керамические вазы. Простые, безыскусные времена – до появления всяких там iPad и iPhone.

Но с детством у нее были связаны и другие воспоминания. Не самые приятные. Например, окно в ее спальне, которое никогда толком не закрывалось, и зимой, лежа в постели, она видела, как ее дыхание превращается в облачка тумана. Или совсем уж голодные дни, когда им всей семьей приходилось

жевать сухие овсяные хлопья, потому что молока больше не было, а последние несколько монеток они сберегали, чтобы «покормить» электросчетчик. (Отдельная проблема – вечно холодный душ. А уж холодный душ в замерзающем доме – это проблема из проблем.) Еще остро помнился тот день, когда отца Холли впервые уволили по сокращению штата. Затем, правда, это случилось снова... и снова...

Холли вряд ли смогла бы с точностью определить, в каком именно возрасте поняла, что они *бедные*. Видимо, где-то уже в средней школе. Если дети из других семей в начале очередного триместра являлись в школу в новеньких дизайнерских *шусах* – Kickers, Doc Martens, Air Jordans или еще каких-то, особенно модных, – то она неизменно втискивала ступни в очередные *вполне приличные черные туфли со шнурками*, которые раздобыла ее мать. Школьная форма всегда была ей либо слишком велика, либо слишком мала. И похоже, с каждым годом тот короткий период, когда форма действительно хорошо на ней сидела, становился все короче.

Если другие родители дарили своему ребенку на день рождения какую-нибудь давно желанную потрясающую игрушку или куклу, то Холли получала, например, книгу по кулинарии, зачастую довольно потрепанную, с жирными пятнами на страницах – доказательством того, что прежняя владелица не раз пыталась овладеть мастерством поварахи. Утром в свой день рождения, сорвав бумажную обертку с подарка, она должна была выбрать рецепт угощения, которое

ей предстояло приготовить – обычно это было что-нибудь сладкое, все равно что, – и ее родители ухитрялись где-то раздобыть необходимые ингредиенты: стручки ванили, темный шоколад, жирные сливки, да что угодно. И лишь когда ей уже минуло двадцать, она осознала, что после этого праздника они несколько недель сидели на куда более скудной диете вроде супа с чечевицей или «гренок по-валлийски», приготовленных на домашнем хлебе с тончайшими ломтиками расплавленного сыра.

Как ни удивительно, но очень долго подобные вещи совершенно не тревожили Холли. Она не уставала благодарить Бога за то, что у нее такие любящие родители и что все они счастливы, несмотря на отсутствие денег. Но все переменялось, когда ей исполнилось четырнадцать.

За несколько месяцев до своего дня рождения она несколько раз и вполне отчетливо дала понять, чего ей на самом деле хочется. Довольно книг по кулинарии. В конце концов, в этом отношении она и так отлично подготовлена – всегда сама собирает контейнер со школьным завтраком и ужин для всей семьи готовит довольно часто. И самостоятельное приготовление праздничного лакомства уже не воспринималось ею как удовольствие и, уж конечно, никак не могло считаться достойным подарком на день рождения. На свое четырнадцатилетие Холли мечтала получить настоящие джинсы Levi's 501.

Сперва она надеялась, что получит вожаделенные джин-

сы на Рождество, но ей подарили всего лишь раздобытую на благотворительном базаре футболку, растянутую и какую-то линияющую. Однако надежды она не утратила: в конце концов, в марте у нее день рождения.

– Надеюсь, они придутся тебе впору, – сказала мать, входя к ней в комнату и пристраивая сверток на край кровати. – Если не подойдут, то Морин из аптеки наверняка сумеет их по тебе подогнуть. Да и швы оверлоком она куда лучше обрабатывает, чем я.

Холли разорвала бумагу, увидела аккуратно сложенные джинсы, и сердце ее радостно подпрыгнуло. Она смотрела на них и думала: неужели родители, столько месяцев игнорировавшие ее просьбы, наконец к ней прислушались? У нее даже руки тряслись от волнения, когда она встряхнула джинсы, расправила их и... раскрыла рот от изумления.

– Ну что, хорошие? Я понимаю, они, может, не такие модные, как те, о которых ты нам все уши прожужжала, да и не совсем новые, но еще вполне ничего, крепкие. И швы прочные, а мелкие дырочки я заплатками закрыла.

Заплатами! Да тут, похоже, заплаток куда больше, чем самой джинсы! Здесь были представлены «образцы» самых различных тканей и расцветок, нашитые как придется по всей длине джинсов от талии до низа. Позже, немного успокоившись, Холли поняла, что на самом деле заплаток не так уж много, всего пять-шесть, вряд ли больше, но в глазах подростка это выглядело так, словно их несколько дюжин. Воз-

можно, с заплатками она бы еще как-то примирилась, если бы все они были одинаковыми. Но все они были разные, и мало того, их словно выкрали из детской – во всяком случае, на одном прямоугольнике были изображены игрушечные медвежата.

– Может, примеришь? – попросила мать. – Хочу посмотреть, как они на тебе сидят.

Но Холли молча смотрела на подаренное убожество. А что еще ей оставалось? Меньше всего она хотела обидеть мать, прекрасно понимая, каковы их финансовые возможности. Она, небось, и лоскутки для этих заплаток целых полгода собирала. И все же без слез на эти джинсы Холли смотреть не могла. Тем не менее она заставила себя улыбнуться, аккуратно свернула подарок, положила на постель и сказала: «Я только сперва душ приму, хорошо?» – успев, однако, заметить, как сразу осунулось и помрачнело лицо матери. Холли испытала такое острое чувство вины, что оно, казалось, прожгло ее внутренности, но надеть эти джинсы с дурацкими медвежатами не смогла. Не смогла, и все тут. Ведь если бы они оказались ей впору, мать наверняка настояла бы, чтобы она в них вышла из дома, пошла в школу, а уж этого ей точно не вынести. Нет, нужно просто потянуть время, а потом притвориться, будто джинсы оказались ей малы, и тогда мама ни о чем не догадается.

– Хорошо, конечно. – Мать встала, старательно растянув в улыбке напряженные губы.

В комнате повисла зловещая тишина, и Холли еще сильнее почувствовала себя виноватой. Даже в свои четырнадцать она всегда безошибочно замечала печаль, таившуюся в маминых глазах. Ничего, убеждала она себя, это же мелочь, и мама скоро обо всем позабудет. Подумаешь, джинсы!

– Ладно, приводи себя в порядок, а потом и померяешь. – Мать направилась к двери, сообщив на ходу: – А на завтрак у нас овсяная каша!

– Каша – это отлично! – с воодушевлением откликнулась Холли.

До самого вечера все шло спокойно. Холли весь день была в школе, и у нее, как всегда, спрашивали, какие подарки она получила, однако вечером – уже во второй раз за день – в дверь ее комнаты осторожно постучали. Теперь это был отец.

Артур Берри был человеком немногословным. Этаким нежный великан ростом под два метра. Отчего-то ему очень не везло с работой. Особенно после того, как закрылась фабрика, где он начал трудиться еще подростком. Отца уволили, когда Холли было всего два года. Последовала бесконечная череда «временок». Отчего-то отец всегда оказывался последним в списке принятых и первым в списке подлежащих увольнению. Сейчас, правда, ему удалось найти вполне стабильную работу, и он уже продержался там больше двух месяцев, но в семействе Берри никогда не надеялись на лучшее.

Услышав робкий стук в дверь, Холли крикнула: «Откры-

то!» – и в дверном проеме появился отец; однако вошел не сразу, немного помялся и лишь потом прошел через всю комнату и уселся на стул возле ее письменного стола.

– Значит, так, – начал он, – мама считает, что наш подарок тебе не понравился.

Это прозвучало как утверждение, а не предположение. Холли всегда раздражала привычка отца делать заявление и молчать, предоставляя собеседнику, в данном случае ей, возможность высказаться. Он еще и этакий огорченно-растерянный взгляд на нее бросил из-под насупленных бровей – все-таки он отлично умел заставить дочь чувствовать себя бесконечно виноватой. Впрочем, Холли удержалась и ничего ему не ответила, решив, что ни за что не попадет в приготовленную ловушку. Однако отец продолжал все так же смотреть на нее, и атмосфера в комнате мучительно накалилась.

– Но не может же мама всерьез ожидать, что я стану такое носить?! – возмутилась Холли, оказавшись не в силах проявить хотя бы половину той выдержки, на какую надеялась. – Она же на джинсы игрушечных медвежат нашла, пап! Да никто старше пяти лет не станет носить джинсы с игрушечными медведями!

– Неужели действительно не станет?

– Ну конечно! – В подтверждение Холли потрянула головой. – Нормальные люди носят нормальные джинсы. Синие. Голубые. Иногда черные. Но джинсов с детскими картинками нормальные люди не носят. Точно так же, как не носят

свитеры, связанные из кусочков разноцветной шерсти, или носки, сто раз штопанные-перештопанные.

Ее отец сцепил пальцы и уткнулся в них верхней губой. Такова была его обычная «поза мыслителя», очень хорошо знакомая Холли. Им обеим, ей и матери, довелось потерять не один час, выжидая, пока отец после внутреннего спора с самим собой придет наконец к конкретному решению, причем спектр проблем был чрезвычайно широк – от вопроса о том, что предпочесть на ужин, до выбора политика, за которого он будет голосовать.

– Я понимаю, как тебе трудно, – сказал он наконец, убрав руки от лица. – Наверняка и я в твоём возрасте не ценил своих родителей так, как они того заслуживали.

Холли прямо-таки вспыхнула от гнева.

– Это несправедливо! Я маму очень ценю. И тебя тоже. И я хорошо вас обоих понимаю!

Ей и самой было удивительно, до чего пронзительно-пискливо прозвучали эти заверения, тем более она так и не сумела скрыть раздражение и обиду, отчетливо сквозившие в ее голосе. Однако она не могла допустить, чтобы отец обвинял ее в том, чего на самом деле нет. Да, ее все еще считали ребенком, но она много работала и в школе, и дома, хорошо училась и по хозяйству делала куда больше, чем любой из ее приятелей успел сделать за всю жизнь. Она чинила свою одежду, часто готовила обед для всей семьи. Само собой, она была еще и обязана вместе с матерью таскаться по

благотворительным базарам, выбирая поношенные, ставшие ненужными или предлагавшиеся в обмен свитера и джемперы, а потом распускать их, чтобы из шерсти, еще пригодной для использования, связать что-то новое. Другие дети по воскресеньям спали допоздна, а потом, валяясь в кровати, смотрели мультфильмы, а Холли приходилось с утра пораньше тащиться на автобусе за десять миль от дома, чтобы забрать, например, помидорную рассаду, которую кто-то за ненадобностью отдавал даром.

– Мне просто хотелось иметь нормальные джинсы, только и всего. Не вижу, в чем, собственно, проблема.

– Холли, нормальные джинсы стоят целое состояние. Больше, чем мы в неделю тратим на продукты. Ты имеешь хоть какое-то представление о том, сколько часов твоя мать потратила, чтобы нашить на эти джинсы пестрые заплатки? – С тяжким вздохом отец взгромоздил очки на макушку и устало потер переносицу. – Мне очень жаль, детка. Мне правда очень жаль, что мы не в состоянии купить тебе все те вещи, которые тебе хотелось бы иметь. Извини, что наш подарок так тебя разочаровал.

– Пап... – Жгучее чувство стыда и вины стало еще сильнее.

– Нет, я тебя понимаю. Я действительно тебя понимаю. И мне действительно жаль, Холс, что у нас вечно не хватает денег и что нам так и не удалось хоть что-то отложить. И мне, конечно же, хотелось бы, чтобы денег у нас было побольше.

Зато во многом другом нам повезло. Мы здоровы и счастливы. По крайней мере, я надеюсь, что это так.

Он посмотрел на дочь, заметив, как горестно поникли ее плечи. В его взгляде сквозила усталость.

– Прости меня, пап, – сказала Холли и, спрыгнув с кровати, крепко обняла отца. – Прости, что я так себя вела. И джинсы я буду носить, обещаю. Только спроси, пожалуйста, у мамы, не могла бы она все-таки заменить те заплатки с медвежатами на что-нибудь другое?

– Я уверен, что этот вопрос мы уж как-нибудь решим. А ты с мамой все-таки поговори, хорошо? А то она очень расстроена, уверяет, что испортила тебе день рождения.

Они вместе спустились вниз, и родители спели ей *Happy Birthday*, а потом они вместе пили чай с лимонным пирогом, который мать испекла еще днем.

А поздним вечером, уже лежа в постели, Холли еще долго прокручивала в памяти события минувшего дня, приходя к одному и тому же выводу: отец совершенно прав. У ее родителей никогда не было много денег, но они старались, чтобы их дочь чувствовала себя любимой и благополучной. И все же, решила Холли, когда у меня самой будут дети, я непременно постараюсь, чтобы они могли получить все, о чем мечтают, а значит, денег понадобится немало. И начать зарабатывать деньги нужно как можно скорее.

Глава вторая

Было уже довольно поздно, так что никто за парковочные места не сражался, и Холли могла выбрать, где поставить машину. Сперва она свернула на какую-то совершенно пустую улицу и по ней выехала на парковочную площадку возле реки, решив, что просто посидит там и подумает, в какое дерьмо превратилась ее жизнь. Но стоило ей заглушить двигатель, и она, машинально отстегнув ремень безопасности, вылезла из машины и двинулась на другую сторону улицы. Через несколько секунд она уже стояла перед грязноватой стеклянной витриной магазина-кондитерской, который назывался «Только еще одну штучку», и вглядывалась в его темное нутро.

Вдруг рядом послышалось требовательное мяуканье, и гибкий черно-белый кот с грязноватой спутанной шерстью змейкой проскользнул у нее между ногами и стал о нее тереться.

– Что это ты тут делаешь? – спросила Холли, присаживаясь на корточки, чтобы погладить кота. Тот принялся громко мурлыкать. – Если решил поохотиться, то, боюсь, кроме шоколадной мышки ты здесь ничего не поймаешь.

Кот в последний раз жалобно мяукнул, забрался на крыльцо магазина, на секунду задержался возле двери и двинулся дальше в сторону Хай-стрит.

Весна уже приближалась, но пока еще толком не наступила, и ночной холод пробирал до костей. Холли снова выпрямилась, но так и осталась стоять там, не в силах оторвать взгляд от старого магазина. Вывеска над дверями выглядела здорово обшарпанной, краска на ней облупилась и слезала чешуйками; полосатая маркиза явно знавала лучшие времена, да и крепеж у нее весь проржавел. Но в остальном кондитерская выглядела точно так же, как и в тот давний день, когда Холли впервые вошла в эту дверь. У нее вдруг сильно забилось сердце, и она, поставив ладони лодочкой у висков, прижалась лицом к оконному стеклу, с трудом различая внутри знакомые очертания стеклянных сосудов со сладостями. Череда ярких воспоминаний пронеслась у нее перед глазами, и медленно-медленно, словно отсчитывая секунды, на лице расплылась улыбка – впервые с тех пор, как она, пораньше вернувшись домой, застала Дэна... в таком неудобном положении.

– Вы заблудились?

От неожиданности Холли вздрогнула и ударилась головой о стекло.

– Черт побери! – воскликнула она, потирая ушибленный лоб, и, обернувшись, с изумлением увидела мужчину, который смотрел на нее с невероятно серьезным выражением лица. Странно, подумала Холли, ведь только что эта улица была абсолютно пуста.

– Вы заблудились? – снова спросил мужчина.

– Хм... нет. Не заблудилась.

– В таком случае вы не могли бы объяснить мне, что вы здесь делаете так поздно вечером?

На улице становилось все холоднее, и Холли, чтобы отвлечься от мрачных мыслей о промозглой ночи, внимательно пригляделась к незнакомцу. Он был хорошо одет и отнюдь не лишен привлекательности; на вид ему было лет тридцать пять, однако он смотрел на нее с таким выражением лица, какое свойственно пенсионерам, которым, как известно, до всего есть дело. Поскольку этот тип так грубо вторгся в ее воспоминания о прошлом, она решила не отвечать на его вопрос.

– А вы что, из полиции? – с легким раздражением спросила она.

Он тоже слегка ощетинился.

– Нет.

– Значит, из местной охраны порядка?

– Нет.

– Ну, раз вы не полицейский и не дружинник, какое вам до меня дело?

Замявшись, он переступил с ноги на ногу.

– Просто уже довольно поздно, а вы уже минут десять торчите у темной витрины и упорно вглядываетесь внутрь.

– Значит, вы за мной следили? Шпионили за мной?

– Да нет... То есть да, следил... Я заметил, что вы здесь остановились... Но я за вами не шпионил.

Если сперва Холли была всего лишь слегка раздражена, то теперь ее возмущение почти превратилось в бешенство. А незнакомец, то и дело запинаясь, продолжал что-то объяснять.

– Я просто спросил себя, что вам могло здесь понадобиться в такое время...

– А с какой стати вы вообще интересуетесь моими намерениями? – От изумления и возмущения брови Холли взлетели так высоко, что исчезли под густой челкой. Ну и денек сегодня выдался, хуже не придумаешь! Меньше всего ей хотелось на ночь глядя выслушивать замечания какого-то деревенского доброхота! Она решительно выпрямилась, подбоченилась и заявила: – Во-первых, раз вы не полицейский, вы не имеете никакого права спрашивать, чем я в данный момент занимаюсь. Во-вторых, неужели вы всерьез полагаете, что я намеревалась ограбить эту кондитерскую? Да через три дома отсюда ювелирный магазин, а рядом с ним антикварный. Я уж не говорю о богатеньких загородных домах на Шерборн-стрит, где неделями никого не бывает. Если бы я собиралась совершить ограбление, то, по-моему, тут нашлось бы местечко получше этой крошечной лавчонки, вам так не кажется?

Этот нахал теперь выглядел не только смущенным, но, пожалуй, даже слегка испуганным. Отступив от нее на шаг, он спросил:

– Вы что же, родом из нашего городка?

– Наконец-то догадались! А теперь, если не возражаете, я еще немного постою тут, подумаю о своих делах и полюбуюсь банками, полными сладостей. Или у вас и в связи с этим возникают какие-то вопросы?

Теперь незнакомец явно нервничал, на шее у него так и прыгал кадык, а от его воинственного запала не осталось и следа. Впрочем, легкое недоверие все же сохранилось.

– Простите, что я вас не сразу признал, – сказал он. – Доброго вам вечера. – И, не прибавив более ни слова, он широкими шагами двинулся прочь и растворился в темноте.

– Да уж, вечерок у меня и впрямь добрый, ничего не скажешь, – пробормотала Холли и вновь задумчиво уставилась на кондитерский магазин.

* * *

Через два дня после своего четырнадцатого дня рождения Холли шла по центральной улице, тянувшейся вдоль реки, надеясь получить работу в одном из располагавшихся там учреждений. Если бы она смогла зарабатывать сама, это решило бы массу проблем. Для начала она смогла бы покупать себе все необходимое, и родителям больше не надо было бы беспокоиться на этот счет. И потом, конечно, она немного помогла бы им в финансовом отношении. Например, время от времени покупала бы продукты. И даже, может, сумела бы подарить им на день рождения и на Рождество что-нибудь

стоящее. В общем, получить работу на неполный день – это во всех отношениях было бы просто замечательно. Так что тем утром Холли вышла из дома, исполненная оптимизма, тем более и заплатки с медвежатами у нее на джинсах мама заменила более подходящими, из зеленой материи.

– У вас есть опыт подобной работы? – сразу же спросил у нее первый менеджер, к которому она обратилась.

– Опыта у меня нет, но я способная и все быстро схватываю.

– К сожалению, я уже взял в этом месяце двух новых сотрудников. Приходите летом и постарайтесь к этому времени хоть немного сориентироваться в нашей работе. Уверен, тогда мы сумеем вам что-нибудь подобрать.

Она уже видела главный недостаток своего плана. Ведь если бы у нее, например, уже была бы работа или она уже успела бы устроиться где-то в другом месте, она ни за что не стала бы с этой работы уходить. С какой стати? Помня мучения отца, она отлично понимала, что с постоянной работы да еще и при гарантированной зарплате никто просто так не уходит. Во втором учреждении, увы, все в точности повторилось, а затем и в третьем, и в четвертом. И в магазинах, куда бы она ни сунулась – в булочную, в мини-маркет, в сувенирную лавку, – ей повторяли одно и то же: необходим хотя бы минимальный опыт. Классическая уловка 22. Она не успела пройти и половину Хай-стрит, а уже получила добрую дюжину отказов и ужасно устала, даже ноги начали болеть,

а от прекрасного утреннего настроения не осталось и следа. Холли была почти готова совсем отказаться от идеи трудоустройства, как вдруг поняла, что стоит перед кондитерской «Только еще одну штучку», и решила, что это добрый знак. Она толкнула дверь и вошла в магазин.

Тогда у них в городке было два кондитерских магазина, но Холли редко доводилось в них бывать. Сласти были роскошью, и она лишь в очень редких случаях решалась истратить свои карманные деньги на пакетик мятных леденцов «Поло» или батончик «Марс» – то и другое, впрочем, можно было купить и рядом с домом, в мини-маркете или на почте.

Однако, войдя в магазин «Только еще одну штучку», она поняла, что в настоящей кондитерской торгуют отнюдь не только батончиками «Марс», мятными леденцами и прочей ерундой, какую всегда встретишь на стойке рядом с кассой супермаркета. Во-первых, ее поразил царивший здесь чудесный аромат, такой сладостный, что рот моментально наполнился слюной. Затем она не меньше минуты восхищенно любовалась радужными красками лакомств. Куда бы она ни повернулась, полки от пола до потолка были уставлены стеклянными сосудами, в которых чего только не было – анисовые тянучки, лакричное ассорти, сердечки из постного сахара, вишня в шоколаде, шоколадные бутылочки с клубничным ликером, сахарные и шоколадные мышки и множество зверюшек из марципана. А также широчайший ассортимент помадки и кокосового льда. Были там и страшно дорогие шо-

коладные наборы. (Тогда, правда, Холли понятия не имела, как по-настоящему называются эти волшебные лакомства, но вскоре не только выучила все названия, но и пользовалась ими так же легко, как буквами алфавита.) Словно зачарованная, она медленно двигалась вдоль полок, всей душой, всеми органами чувств впитывая восхитительные запахи и краски.

– Можем мы вам чем-то помочь?

Осознав, что к ней кто-то обращается, Холли посмотрела в сторону прилавка, где бок о бок стояли две женщины. Обе, похоже, одного возраста и в одинаковых голубых передниках, с бронзовыми бейджиками. На этом все их сходство, правда, и кончалось.

Та, что к ней обратилась – Агнес, судя по ее бейджику, – была в легком льняном платье, воротничок которого украшали вышитые белые цветочки, а на запястье у нее позвякивала коллекция ярких разноцветных браслетов. На второй даме – ее звали Мод – были джинсы и тщательно отглаженная темно-синяя блузка-матроска. Светлые волосы Агнес легким пышным облаком лежали по плечам и вокруг лица, а вьющиеся темные волосы Мод были тщательно зачесаны назад и собраны в пучок. Разумеется, первые впечатления Холли вполне могли оказаться ошибочными, но через несколько лет она окончательно уверилась, что Мод и Агнес – это как бы две стороны одной монеты, две души, которым самой судьбой предначертано всегда быть вместе, и их нерушимый союз куда крепче любого законного брака. Впрочем,

тогда она во всем этом еще, естественно, не разобралась, и лишь одно ей сразу же стало ясно: она, сделав некий случайный шаг, вдруг оказалась в волшебной стране.

Деликатно кашлянув, Мод спросила:

– У вас что-то случилось? Или вы, быть может, ищете нечто особенное?

Возникла пауза. Заученные фразы о том, что она ищет работу, готова трудиться не покладая рук, все схватывает на лету и т. д. и т. п., куда-то исчезли, скрылись в глубинах ее памяти, и вместо этого она выпалила:

– Я хочу здесь остаться... навсегда!

Женщины улыбнулись – сперва Холли, потом друг другу, – и она вдруг поняла, как нелепо, по-идиотски, прозвучало ее заявление. И поспешила исправиться:

– Извините. Я хотела сказать, что ищу работу на неполный день. По субботам. Или по воскресеньям. Или после уроков. Вообще-то в любое время. Меня все устроит. А еще я могу работать во время школьных каникул.

Холли знала за собой дурную привычку в минуты волнения говорить торопливо и бессвязно. Она давно мечтала от этой привычки избавиться, но как быть, если в такие моменты мысли ее начинали работать в три раза быстрее, пытаясь породить нечто, способное привлечь внимание слушателей?

– Я очень пунктуальна, – тараторила она, – и живу недалеко. И сладкое я ужасно люблю. Особенно шоколад. Пожалуй, шоколад даже больше любых других сладостей.

Про себя она уже умоляла хотя бы одну из этих женщин сказать что-нибудь и прервать лившийся у нее изо рта поток слов, она даже попыталась закрыть себе рот рукой, но из этого ничего не вышло. Словесное извержение продолжалось.

– И я запросто могу рано вставать. Я очень аккуратная и хорошо умею штопать и чинить одежду, хотя вряд ли у вас тут что-то нуждается в штопке или починке. По-моему, здесь все просто идеально!

Утром Холли вышла из дома с намерением найти подработку на субботу и воскресенье – любую, лишь бы приносила немного карманных денег. Но сейчас ей хотелось работать только здесь. Навсегда здесь остаться – в окружении пирожков с розовыми яблоками, ревенем и сладким молочным кремом. Ей хотелось всю свою жизнь отныне посвятить тому, чтобы поправлять на полках ряды стеклянных сосудов с волшебными яствами и взвешивать сласти на массивных бронзовых весах, стоявших на прилавке. В данный момент она даже готова была предложить свои услуги бесплатно или почти бесплатно. Ей просто не хотелось снова выходить на улицу и видеть перед собой прежний мир – ведь теперь она узнала, что на свете существуют такие волшебные места, как этот магазинчик. И тут она услышала традиционный вопрос, которого всегда страшилась.

– А есть ли у вас в нашем деле хоть какой-нибудь опыт? – спросила темноволосая женщина по имени Мод.

У Холли сразу сердце в пятки ушло. Она понурилась, тяж-

ко вздохнула и ничего не ответила, лишь пробормотала себе под нос нечто совершенно неразборчивое – в такие минуты учителя в школе всегда требовали, чтобы она говорила «четко и ясно».

– Н-нет, – заикаясь, пробормотала она. – Нет у меня никакого опыта. – И такая тяжкая печаль после стольких полученных с утра отказов обрушилась на нее, что она не в силах была поднять глаза. Может, на будущий год получится? – думала она. Может, если она будет на год старше, отсутствие опыта и стажа уже не будет иметь такого большого значения? Когда же наконец она осмелилась вновь посмотреть на этих женщин, чтобы поблагодарить их и извиниться, что зря отняла у них столько времени, светловолосая Агнес вдруг сказала с улыбкой:

– Ну что ж, по-моему, чтобы обучить тебя, вряд ли потребуется слишком много времени, правда, Мод? – Глаза ее весело блеснули, и она спросила: – Когда ты сможешь приступить к работе?

* * *

Холодный ветер шуршал листвой на соседнем дереве, вызывая у Холли противный озноб. День, когда она, в гневе захлопнув у Дэна перед носом дверь, села в машину и поехала куда глаза глядят, подходил к концу. Но в какой-то момент, видимо, ей придется остановиться и составить хо-

тя бы приблизительный план. Причем желательно не только на сегодняшний вечер, но и на будущее. Договор на аренду той квартиры, где они с Дэном жили, подписывали они оба. Возможно, Дэн теперь оттуда уедет, а значит, она могла бы там остаться. Денег на счете вполне хватит, чтобы платить за квартиру самостоятельно, если будет нужно. Вот только ей больше никогда не захочется лечь в ту постель. Нет уж, пусть Дэн забирает себе и эту кровать, и этот дом. А она придумает что-нибудь еще. Найдет себе жилье подальше от него. Ей попросту придется это сделать.

Холли почувствовала, что глаза опять наполняются жгучими слезами. Господи, она ведь доверяла ему без оглядки! И что еще хуже, верила, что именно этот человек и ее сделает счастливой, и сам будет с нею счастлив, а впереди у них та спокойная надежная семейная жизнь, которую она себе нафантазировала. И полюбуйте, пожалуйста, чем все это закончилось!

В тот момент, когда она пыталась решить, что выбрать – шлепнуться на землю и всласть зарыдать или подобрать с земли первый попавшийся булыжник потяжелее и зашвырнуть его в реку, – за спиной послышалось тихое покашливание.

– Все, все, я уже ухожу, хорошо? Ухожу, ухожу, – торопливо проговорила Холли, обернулась, вытирая мокрые щеки, и воскликнула: – Мод? – Она не верила собственным глазам, а потому снова пристально взгляделась в лицо стоявшей перед

ней женщины и завопила: – Мод!

Глава третья

В последний раз Холли виделась с Мод, своим старым другом и бывшим работодателем, четыре года назад, причем в печальной обстановке – на похоронах Агнес. Весть о ее смерти была для нее как удар ножом в сердце. Мод и Агнес прожили вместе больше сорока лет, и никогда никто – ни Холли, ни кто-либо другой – не усомнился, что именно к ним лучше всего применима формула *«пока смерть не разлучит нас»*. Сами похороны (событие очень печальное) были прекрасны. Церковь не вмещала желающих проститься с Агнес. А на каждой моленной скамье стоял стеклянный сосуд со сладостями, чтобы горюющие насладились ими во время службы. Только Агнес могла придумать нечто подобное.

Поминки были устроены в том крошечном коттедже, который старинные подруги всегда, сколько помнила Холли, считали своим домом. Дэн тогда поехал с ней в качестве моральной поддержки, однако им обоим нужно было на следующий день возвращаться в Лондон на работу, так что в родной деревне Холли пробыла совсем немного и пообещала вскоре непременно приехать снова.

С тех пор по крайней мере раз сто она собиралась туда съездить, проведать Мод и, может, даже переночевать у нее в коттедже, вспоминая старые добрые времена за воздушным шербетом или еще каким-нибудь угощением, прихваченным

по дороге. Но ей всегда не хватало времени. Хотя она, конечно, понимала, как тяжело было Мод пережить утрату Агнес. И теперь, заметив, сколько новых морщин появилось на лице пожилой женщины, как побелели ее некогда темные густые кудри, она почувствовала, что сердце ее пронзает острая боль вины, ведь свое обещание она так и не выполнила. Мод, конечно, была по-прежнему узнаваема – те же дуги темных бровей, те же прекрасные глаза миндалевидной формы, – но все же она сильно изменилась. Исчезла ее некогда гордая осанка, согнулась прямая спина, плечи опустились, и вся она как бы съежилась, словно пытаясь защититься от враждебного окружающего мира. Неужели так уж трудно было пару раз позвонить ей или написать два-три письма по электронной почте? – укоряла себя Холли.

– Это я, Мод. Я, Холли Берри.

И старая женщина, широко раскрыв от изумления глаза, радостно воскликнула:

– Не может быть! Холли! Я не сразу тебя узнала. Вот уж поистине чудесный сюрприз! – И лицо Мод осветила улыбка, благодаря которой она словно сбросила несколько лет. – Что, скажи на милость, ты тут делаешь? Как у тебя дела? Как же я рада снова с тобой повидаться. Ну, просто очень рада!

Но эта молодая улыбка на устах старой женщины лишь сделала Холли еще больнее, и ей стало трудно говорить. Вновь подступили к глазам жгучие слезы, в горле словно застрял плотный комок, и в итоге, не выдержав потока обру-

шившихся на нее мыслей и чувств, Холли Берри разрыдалась.

Наверное, с минуту она стояла перед Мод, закрыв руками лицо, и сквозь пальцы просачивались крупные капли слез. Затем ей все же удалось взять себя в руки, и она, подняв глаза, увидела, что Мод смотрит на нее с выражением глубочайшей озабоченности и сочувствия, прямо-таки написанных на ее морщинистом лице.

– Ну, в таком случае, – решительно начала Мод, одергивая полы жакета, и попыталась гордо, как прежде, выпрямить спину, – нам обеим, по-моему, в самый раз немного выпить. Ты как к этому относишься?

Паб «Семь гончих» находился не слишком близко и к магазину, и к домику Мод и сильно отличался от заведений в центре города, что обычно обслуживали туристов. В тех и меню было куда более изысканным, и освещение в зависимости от настроения гостей было то интимно-приглушенным, то ярким и праздничным (по случаю, скажем, чьего-то дня рождения). Зато в кафе на центральной улице не было завсегдатаев – в основном из-за чрезмерно завышенных цен. А паб «Семь гончих» являл собой воплощение деревенского кабачка, предназначенного исключительно для местных жителей. Стулья там были старые, декор допотопный, и отчего-то даже через столько лет после принятия закона о запрете курения в воздухе отчетливо чувствовался застарелый запах трубочного табака и сигарного дыма, особенно

если слишком ерзаешь на мягких сиденьях; однако напитки в этом пабе всегда подавались идеально холодными, а прием был неизменно теплым.

Холли и Мод устроились за столиком в углу. Холли молчала, задумчиво крутя в руках бокал с вином, а Мод, сделав глоток содовой с лаймом, сказала:

– М-да, ты рассказала довольно-таки неприятную историю. Жаль, что у вас так получилось. Мне действительно очень жаль, Холли. Какой ужасный тип! Я даже рада, что мне так и не удалось с ним познакомиться.

Холли открыла было рот, собираясь сказать, что Мод совершенно точно не раз встречалась с Дэном, и в последний раз это было на похоронах, но вместо этого заговорила совсем не о том.

– Я не могу простить себе собственной глупости – как это я так долго умудрялась ничего не замечать? Ведь ясно же, что он решил начать меня обманывать не сегодня утром. У меня так много знакомых, которые поженились совсем недавно. И до свадьбы близкие отношения у них длились всего год, максимум два. А то и меньше. Но я продолжала считать, что веду себя в высшей степени разумно. Понимаете? Я была уверена, что мы все делаем правильно. Мы не собирались тратить кучу денег на пышную свадьбу. Буквально все продумали заранее. Все наше будущее. Наше будущее, ха! Самодовольная дура – вот кем я была. Чертова самодовольная дура! – Холли понимала, что ей следовало бы оста-

новиться, переключиться на что-то другое, но слишком уж она была на себя сердита. – У меня сейчас такое ощущение, словно все, что, как мне казалось, я знаю о жизни, было ошибочным. Да и есть ли в моей жизни какой-то смысл? Похоже, что нет. Слишком о многом мне приходится сожалеть.

И эти сожаления терзали ее, не давая покоя. Столько лет она вела совершенно безопасную разумную жизнь. Считала себя здравомыслящей и была уверена, что обрела в Дэне идеального партнера, ибо этот человек даже сладкий пирожок или булочку не стал бы на вокзале покупать, предварительно не соотнеся это со своим бюджетом.

– Знаете, я ведь почти два года новых туфель себе не покупала!

– А это еще почему? – удивилась Мод.

– Потому что я все время только и делала, что старательно копила деньги. Мне хотелось, чтобы первый взнос за наш собственный будущий дом был как можно больше. В этом доме мы собирались растить наших детей, и я мечтала, чтобы им в жизни всегда всего хватало. Чтобы мы жили, ни о чем больше не беспокоясь. *Ни о чем не беспокоясь!* А что это, собственно, значит? Нет, ей-богу, как я ухитрилась стать такой дурой? Ведь именно себя-то я и упустила!

– Не стоит так уж себя проклинать. Ты просто была влюблена. И в целом я не вижу ничего плохого в том, чтобы всегда проявлять здравомыслие.

– Вот как? Вы действительно так считаете? Но тогда поче-

му все в моей жизни пошло наперекосяк? Да и раньше – если я, по-вашему, все делала правильно – почему мы не стали счастливее? Хотя вроде бы счастья в нашей жизни должно было все прибавляться и прибавляться?

Холли очень хотелось бы знать ответ на этот вопрос. И, погруженная в свои мысли, она взяла свой бокал и одним глотком допила оставшееся вино. Она определенно никогда не относилась к числу тех, кто верит в *одного-единственного*. Многие ее подруги все еще пребывали в поиске некоего *мистера Правильность* или даже *мистера Он-все-сделает-сам*, но она уже понимала, что любовь – это отнюдь не соответствие придуманным тобой нормам и правилам. Для Холли любовь в первую очередь означала, что каждый вечер рядом с ней был человек, с которым она могла обо всем поговорить, который без дополнительных просьб вымыл бы посуду после того, как они съедят приготовленный ею обед. Но в последние годы Дэн этим требованиям удовлетворять перестал.

– Ага, теперь я его вспомнила! – вдруг сказала Мод и даже ладонью по столу прихлопнула. – Ты его как-то в наш коттедж привозила, верно? Слабый подбородок – вот что тогда о нем сказала Агнес, а она людей видела насквозь.

– А что, слабый подбородок – это мерило характера?

– Для Агнес – да.

Холли печально усмехнулась. Ею овладевало еще более мрачное настроение. Похоже, и Мод было невесело, ибо, как

подозревала Холли, при упоминании об Агнес тысяча воспоминаний всколыхнулись в ее душе.

– Мне все еще трудно поверить, что Агнес больше нет, – сказала Холли, решив нарушить молчание, пока оно не слишком затянулось. – Наверное, это потому, что я давно сюда не приезжала.

– Четыре года. Точнее, четыре года, два месяца и девять дней. А мне, честно говоря, иногда кажется, будто она ушла только вчера. Или наоборот – будто я, потерявшись во времени, вот уже несколько десятилетий живу без нее. И без нее, похоже, ничего у меня здесь толком не получается. Я больше не могу работать как следует.

А Холли все никак не находила слов, которые были так ей нужны. И отнюдь не была уверена, что ей вообще удастся нужные слова отыскать. И все же она попыталась.

– Мне ужасно жаль, Мод. Я так вам сочувствую, но даже представить себе не могу, каково вам пришлось.

Мод кивнула. Но глаза ее остались сухи. Никакой пелены слез – только чистая, ничем не замутненная горькая печаль.

– И знаешь, горе ничуть не ослабеваает, – сказала она. – Говорят, что со временем утихает любая боль и человеку становится легче. Но у меня не так. Иногда мне кажется, будто я слышу ее голос. Да нет, она довольно часто со мной разговаривает. Например, в магазине я иной раз отчетливо слышу, как она окликает меня сверху. И могу поклясться, что это действительно она. А иногда дома я даже начинаю с ней

разговаривать, позабыв на мгновение, что ее больше нет. И со временем легче не становится. А к боли просто привыкаешь, и все.

– Мне так жаль... – снова сказала Холли, чувствуя, как беспомощно и бессмысленно звучат эти слова. – Мне, конечно, надо было раньше к вам приехать.

Мод лишь покачала головой и попыталась улыбнуться.

– Глупости, девочка. Мир все еще вертится, и ты живешь собственной жизнью. Хотя, знаешь, получилось довольно забавно – то, что ты оказалась здесь именно сегодня. – И Мод жестом попросила официантку принести им еще вина.

– Вот как? А почему? Что такого особенного в сегодняшнем дне?

Мод не торопилась с ответом.

– Если честно, то обычно я в столь позднее время в магазин больше не заглядываю. Но сегодня специально пришла туда, чтобы попрощаться.

– Прощаться? С кем?

– С нашим магазином. Я решила, что пора.

– Пора что?

– Жить дальше. А его продать.

Холли показалось, что ей нанесли удар под дых. Сперва Дэн, теперь еще это.

– Но почему вы хотите продать магазин? И кому? Кто хочет его купить? – сыпала она вопросами, будучи не в силах скрыть охвативший ее ужас.

Получить ответ она не успела: появилась барменша с напитками, и Мод сразу же сделала большой глоток из своего бокала. Затем, поставив его на стол, сложила руки на коленях и сказала:

– Очевидно, что быстро его продать не удастся, потому я хочу поручить это дело застройщикам, – сказала она. – Иначе слишком много сил придется истратить. Все слишком запущено. В последнее время я ведь стала практически банкротом. И сама виновата в том, что наш бизнес полетел ко всем чертям.

– Не верю!

– Ох, я и сама бы очень хотела, чтобы это было не так, но, увы, я говорю чистую правду. Я оказалась не в силах поддерживать магазин на плаву. Я ведь пыталась, знаешь ли, изо всех сил пыталась, зная, что для Агнес этот магазин всегда был все равно что дитя. Ну, то есть он, конечно, принадлежал нам обеим и обеим был дорог, но ей особенно. Он был ее мечтой. А я так ее подвела, Холли. Я больше не могу вести дела, как полагается. У меня ничего не получается – без нее. А эти люди, застройщики, уже несколько лет за ним охотятся. И готовы уплатить мне за него вполне приличную сумму. Хотя немало усилий придется приложить, чтобы привести его в порядок. Я думаю, они для начала должным образом отремонтируют сам дом, а уж потом продадут. А может, и попросту все разрушат до основания, чтобы начать с чистого листа.

– Но магазин вовсе не нужно разрушать до основания. Он прекрасно выглядит.

Мод в ответ лишь слабо усмехнулась и снова отхлебнула из своего бокала. Холли показалось, что она как-то чересчур спокойно относится к подобной перспективе. Слишком разумно, слишком приземленно. Тогда как сама Холли, наоборот, утратила всякую рассудительность.

– Но как еще его можно использовать? Ведь здание-то крошечное.

– Ну, это уж они сами решат. Теперь насчет продажи домов все только к ним и обращаются. Они даже дом престарелых, что на Стейшн-роуд, перекупили. Ты об этом знала?

Очередная волна боли и печали накрыла Холли с головой. Школьницей она вместе с другими детьми всегда ходила в этот дом престарелых петь рождественские гимны, и старики как-то сразу оживали и начинали петь вместе с ними. Даже подумать страшно, что этого больше никогда не будет.

– Нет, не знала.

– Ох, тут такой скандал был, прямо рев стоял. В других домах престарелых поблизости места, конечно, не оказалось, так что большинство стариков отправили кого куда. В Мортон. В Нортлич. А некоторых даже в такую даль, как Сиренчестер. Жуткая была неразбериха. И я заранее знаю все, что ты можешь мне сказать насчет продажи магазина Агнес таким людям. Сама себе я все это уже сказала. Но что я могу? Рано или поздно мне все равно пришлось бы это сделать. Не

могу же я по-прежнему там вкалывать – на девятом-то десятке! И потом, у меня племянник только что женился, и молодоженам деньги очень дажегодились бы, а мне хочется помочь им встать на ноги. Кроме того... – Она помолчала.

– Что? Что «кромее того»? Скажите мне.

Мод медленно кивнула в знак согласия и посмотрела Холли в глаза.

– В тот вечер, когда я наконец решила, что с магазином нужно расстаться, мне, честно говоря, показалось, что это первое правильное решение, которое я приняла после ее смерти. Когда я поняла, что мне больше не нужно будет о нем заботиться и без конца тревожиться, я почувствовала... да, я почувствовала... облегчение. Если честно, я даже почувствовала себя чуть более счастливой – впервые за все то время, что живу без нее.

Холли понимала, что это правда; она видела это по глазам пожилой женщины. Было ясно, что Мод вынуждена так поступить. Она должна отпустить мечту Агнес. И, пока еще есть время, немного пожить собственной, отдельной жизнью. Однако Боуртону, безусловно, необходима кондитерская. Именно эта, под названием «Только еще одну штучку». Это же настоящая городская достопримечательность. Холли чувствовала, что абсолютно недопустимо отдавать магазин на растерзание хищным застройщикам.

– Я его куплю, – вдруг решительно заявила она.

– Что?

– Продайте ваш магазин мне.

Даже сказав это, Холли, казалось, толком еще не верила, что подобное предложение действительно вылетело у нее изо рта, и в то же время она прекрасно понимала, что совершенно определенно сделала именно то, что должно.

Глава четвертая

Мод нахмурилась и просидела так добрых пять секунд. Потом она вдруг рассмеялась и воскликнула:

– Ох, Холли! Да не может быть, чтобы ты сказала это всерьез! Зачем тебе такая обуза?

– Нет, я говорю совершенно серьезно. Именно это мне и нужно. Вы же знаете, как сильно я люблю ваш магазин.

– Но ты еще так молода. И стала настоящей столичной девушкой. У тебя постоянная работа и хорошая зарплата. Поверь мне, это не слишком хорошая идея.

Даже веселая улыбка не могла скрыть, каким старым и морщинистым стало теперь лицо Мод, и Холли, заметив это, расстроилась, но одновременно почувствовала невероятный прилив энергии. Да, если честно, энергия в ней буквально бурлила!

– Это отличный выход, просто отличный! – возразила она. – И деньги у меня есть, я копила, чтобы внести депозит за дом, который теперь уже не куплю. А свою лондонскую работу я просто ненавижу, правда-правда, хотя, по-моему, вслух об этом говорю впервые. Меня уже тошнит от необходимости целыми днями пялиться в экран компьютера и выслушивать горестные людские жалобы. Да, конечно, работа у меня постоянная и зарплата хорошая, но лишь по этой причине я и продержалась там так долго. А мне хочется делать

что-то настоящее, отчего люди станут чуточку счастливее.

Однако Мод, несмотря на весь энтузиазм Холли, не выглядела убежденной.

– Там все так запущено... У нас не было ни одного по-настоящему прибыльного года уже... – Мод с шумом выдохнула, – в общем, уже много лет. Теперь торговля совсем не та, что прежде. Я не уверена, что ты понимаешь, во что собираешься... вляпаться.

Холли улыбнулась. На самом деле она с самого начала непрерывно улыбалась, у нее уже и щеки начинали болеть.

– Да нет, все я прекрасно понимаю. И совершенно точно представляю, во что собираюсь «вляпаться». Но согласитесь, вам не больше меня хочется отдать свой любимый магазин каким-то хищным застройщикам, правда? А если я тут останусь, это решит все проблемы.

Мод больше не смеялась, и, хотя все ее морщины вновь вернулись на прежние места, они показались Холли уже не такими глубокими.

– Держать магазин – это ведь нелегко, – сказала она, – и работы тут куда больше, чем кажется покупателям.

– Ну, это-то мне известно. Я ведь здесь работала, помните?

– Да и нас тогда было двое. А потом и трое, когда появилась ты. И потом, как ты знаешь, Агнес всегда брала на себя львиную долю всех забот.

– Но ведь вы пока будете здесь, – заметила Холли.

Мод отмахнулась, разбивая вдребезги ее надежды:

– Нет. Я же сказала, что намерена с этим местом покончить. Я уже пообещала сестре Агнес, Элеонор, что какое-то время погощу у них на севере, в Шотландии. Они настаивают на моем переезде туда со дня смерти Агнес. А Элеонор я звонила не далее как сегодня вечером. Она никогда мне не простит, если сейчас я вдруг передумаю и не приеду. – Мод помолчала. Лицо ее теперь было окутано, словно туманом, смесью печали и разочарования. – Мне нужно честно во всем тебе признаться, Холли. После смерти Агнес дела у меня пошли совсем неважно. И не потому, что наш магазин стал мне безразличен... Просто мне было тяжело видеть все это. Слишком много воспоминаний, куда ни посмотри. И, по правде говоря, эта затея с застройщиками показалась мне самым простым выходом, возможностью уйти от бесконечных воспоминаний, куда-то от них спрятаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.